

Юность мужала в боях

Н. П. Власов, старшина 1-й статьи запаса

Сентябрь 1941 года застал нас в Кронштадте. Краснофлотцы, комсостав линкора «Октябрьская революция», где я служил старшиной и командиром орудия, были суровы и немногословны. Почти все мы были тогда молоды. Пожалуй, два чувства царили в сердце каждого — боль и сжигающая душу ненависть.

Враг наступал. Все плотнее сжималось кольцо блокады вокруг Ленинграда. Тревожнее становились сводки Совинформбюро. И нам казалось, что, находясь на боевых кораблях, стоявших в гавани, мы бездействуем. Мы рвались в бой, чтобы уничтожить ненавистных фашистов, чтобы ни на один час не давать им передышки. На стол командира линкора стопой ложились заявления: «Прошу послать на фронт».

С ликованием балтийцы восприняли приказ о создании батальона морской пехоты из команд боевых кораблей, стоявших в Кронштадте. Встретить врага лицом к лицу готов был каждый.

И вот с зыбкой палубы моряки сошли на берег. Времени на «переквалификацию» не оставалось. Школу пехотинцев проходили на полях боев. А бои уже шли у Пулковских высот и вблизи города Пушкина, куда еще так недавно мы ездили, чтобы услышать шелест старых деревьев в парке, по которому гулял поэт, ставший гордостью земли русской. Теперь здесь лилась кровь и падали в пушкинские пруды обгорелые ветки кленов.

Наша 7-я отдельная бригада морской пехоты, куда попал и я, состояла из коммунистов и комсомольцев «Октябрьской революции», «Кирова» и других кораблей.

Личный состав линкорского 120-миллиметрового бортового орудия, которым я командовал на корабле, стал первым отделением третьего взвода, пошедшего в первую роту второго батальона бригады. Наводчики и заряжающие стали называться

пулеметчиками или стрелками. Соответственно, меня назначили командиром отделения. Помню, как лейтенант, собравший нас, чтобы растолковать тактику штыкового боя, вдруг, прервав на полуслове объяснение, просто сказал:

Вы, моряки, народ понятливый, а главное — бесстрашный. Фашисты одного вашего вида не выносят. Штыкового боя часто не принимают — бегут...

В первый день формирования бригады нам выдали обмундирование: гимнастерки, каски, сапоги, плащ-палатки, маскировочные халаты. Моряки шумно примеряли непривычную одежду, подшучивали друг над другом. Но и на земле краснофлотцы свято чтят морские традиции: честь флага, верность Отчизне, братство, готовность умереть, но не оставить товарища в беде.

Задание было предельно ясным: в районе Московской Славянки занять высоту, которую захватили фашисты. Вокруг высоты — ни куста, ни бугра. Ровное поле — снежное, пустынное, беспрерывно поливаемое огнем противника. Очевидно, для «профилактики». Эта хорошо укрепленная высота оборонялась особым подразделением, в составе которого были отборные гитлеровские головорезы, когда-то штурмовавшие остров Крит. Каждый третий из них был награжден Железным крестом.

Собрал свое отделение. Сосредоточенно суровы лица В. Е. Бочарова, Н. В. Кукушкина, А. Н. Корниенко и других краснофлотцев. Не раз приходилось нам решать сложные задачи еще на линкоре. Но сейчас дело предстояло особенно трудное, а главное необычное.

- Итак, идем вперед. Вспомните, как давно мы мечтали об этом.

Разъяснил боевой приказ. Каждый боец получил конкретное задание. Еще раз проверили оружие, обмундирование, пожелали друг другу удачи, обменявшись привычным напутствием:

Действовать по-балтийски!

Над полем царила ночь. Ноябрьский мороз сковал землю, припорошил ее снежком. Да, не лучшая обстановка для нас!

Преодолев противотанковый ров, осторожно, в обход, по-пластунски поползли вперед. Огонь не стихал. Фашисты палили в пространство так, для острастки. Кто-то из бойцов сказал:

Ночи бояться, ведь не у себя дома, вот и строчат.

Тихо, метр за метром, крепко прикикая к родной земле, мы приближались к цели.

И вот в воздух взлетела сигнальная ракета.

- Вперед, в атаку!

Дружно, как один, краснофлотцы ринулись на фашистские окопы, бесстрашно вступили в рукопашную схватку с гитлеровцами. Мало было моряков, первыми порвавшихся в окопы. Но враг дрогнул.

- Рус матрос! — панически кричали фашисты.

Даже в предрассветной ноябрьской мгле они узнали нас.

Никогда не забыть той суровой, захватывающей ярости, которая несла меня вперед.

Казалось, ничто не в состоянии остановить этого движения: в нем слились гнев и боль за нашу поруганную землю, за томящийся в кольце блокады Ленинград, за все, что нам дорого и близко. Страх не было.

Фашисты бежали, отстреливались на ходу, а мы настигали их и повергали на землю, которую они хотели завоевать.

Вдруг я почувствовал, как жгучая боль пронзила плечо, и упал лицом в снег. Мысли стали путаться.

Ко мне подполз краснофлотец Александр Корниенко.

- Командование передаю Боброву, — сказал я ему, — идите, действуйте дальше. Высота должна быть взята.

- Не могу тебя оставить, командир, — твердо ответил Саша. — Перевяжу рану, оттащу в укрытие, а потом уж...

Вокруг свистели пули, грохотали автоматы, раздавались крики.

- Уходи, Саша, — говорю снова, чувствуя, что последние силы покидают меня.

Но он, большой, сердитый, молча принялся перевязывать мне плечо и руку.

Помню, крепкими руками он перевернул меня на спину, хотел куда-то тащить, и тут, как подкошенный, упал на меня... Я потерял сознание, а приходя в себя, но еще находясь в полубытьи, ощущал на себе что-то тяжелое, неподвижное. Это был он, Саша, грудью своей, жизнью своей прикрывший командира. Он был убит разрывной пулей.

Меня нашли наши разведчики и доставили в санитарную землянку. Только там я узнал — рубеж взят, высота отвоевана. Боевое задание выполнено. Казалось, утихла боль от чувства огромной благодарности, заполнившей мое сердце. «Молодцы, ребята!» Перед глазами проходили лица товарищей, с которыми служил на линкоре, а затем шел в атаку на высоту. Многие из них остались там навсегда — в районе Московской Славянки, на подступах к городу Пушкину.

Эпизод, о котором я рассказал, — песчинка в огромной, многотрудной эпопее Великой Отечественной. Но и в нем, как и капле воды, отразились мужество, героизм, самоотверженность защитников города Ленина, их непреклонная воля к Победе, их безграничная преданность Родине, идеалам Великого Октября, имя которого было начертано на нашем корабле. Из таких песчинок складывался нелегкий путь наш к Берлину, к рейхстагу, к салюту 9 мая 1945 года.